

«МЯГКАЯ СИЛА» И «ЖЕСТКАЯ СЛАБОСТЬ» В КИТАЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

ДАВИД БАБАЯН

Арцахский государственный университет, Степанакерт

Резюме

В китайско-монгольской диаде проявляется противоречивый характер взаимоотношений сильной и крупной державы со слабой страной. Стратегии, используемые каждым из этих государств, существенно различающихся по военно-политическому, экономическому, демографическому потенциалу, представляют интерес с точки зрения их вклада в поддержание сбалансированных и добрососедских отношений на фоне высокой неопределенности взаимных обязательств. Основу политики КНР по отношению к Монголии составляет политика «мягкой силы». Улан-Батор же при всей своей слабости полагается на жесткое отстаивание собственных интересов. Суть его стратегии заключается в умелом использовании имеющихся уязвимостей Китая для того, чтобы проведение жесткой силовой политики со стороны более мощного соседа оставалось нецелесообразным. В частности, географическое расположение Монголии между двумя крупными державами, позволяет ей балансировать между ними. Кроме того, Улан-Батор старается выстраивать диалог с представителями монголоязычных и близких им народов, проживающих на территории КНР. Тем самым он повышает внутривнутриполитические издержки потенциального давления на Монголию для Пекина. Их возрастанию также способствует наличие потенциала протестных выступлений этнических и религиозных меньшинств по всему периметру западного фронта Китая. Наконец, политика Пекина по отношению к Улан-Батору выступает в качестве индикатора для других соседей и партнеров КНР относительно степени ревизионизма ее внешней политики. В случае Китая и Монголии сочетание этих двух стратегий обеспечивает поддержание устойчивого равновесия в отношениях неравновесных игроков.

Ключевые слова:

Китай, Монголия, мягкая сила, жесткая слабость, географическое расположение, этно-политическая специфика, современные глобальные геополитические тенденции.

В китайско-монгольской диаде ярко проявляется противоречивый характер взаимоотношений сильной и крупной державы со слабой страной. Изучение взаимодействия таких государств (особенно в случаях, когда они – соседи) представляет теоретический интерес, если эти отношения сбалансированы и не перерастают в открытый конфликт. Каким образом Китайская Народная Республика (КНР)

преодолеет соблазн, порождаемый уязвимостью Монголии? Как Монголии удастся поддерживать стабильные отношения с таким соседом-гигантом, как Китай?

На наш взгляд, это достигается благодаря стратегиям «мягкой силы», применяемой КНР и «жесткой слабости», характеризующей Монголию. Если первое понятие исследовано достаточно широко и прочно вошло в научный обиход, то второе, наобо-

рот, — новая категория. Под «жесткой слабостью» понимается наличие у государств, значительно уступающих своим соседям с точки зрения экономических, военных, демографических и иных ресурсов, ряда специфических особенностей, делающих проведение по отношению к ним силовой политики со стороны более мощных держав нецелесообразным.

1

Ключевыми особенностями Монголии предстают географическое положение страны и этнополитическая специфика, на которые накладываются современные глобальные геополитические тенденции. На первый взгляд может показаться, что уязвимость пространственного положения государства, зажатого между Китаем и Россией, невозможно компенсировать, но именно комплексное использование внешних возможностей и внутренних ресурсов, трансформирует их в компоненты «жесткой слабости», давая возможность весьма эффективно противодействовать вызовам во взаимоотношениях с соседями-гигантами. Рассмотрим каждый из этих компонентов по отдельности.

Географическое положение. Монголия — государство с территорией (более 1,5 млн км²), превышающей площадь Германии, Франции и Испании вместе взятых, малочисленным населением в 3 млн человек и богатейшими природными ресурсами. Такие характеристики в прошлом нередко формировали стимулы для экспансионизма со стороны более крупных государств. Китай, с огромным населением, возрастающим военно-политическим и экономическим потенциалом, а также острой нехваткой природных ресурсов, является именно такой страной.

Кроме Китая, Монголия граничит лишь с одним государством — Россией, которая также представляет собой крупную мировую державу. Таким образом, страна зажата между двумя гораздо более мощными со-

седями. С одной стороны, это существенно ограничивает поле для внешнеполитического маневрирования Монголии, но с другой — дает возможность балансировать между державами, поддерживая собственную независимость. Именно балансирование между Москвой и Пекином позволяет ослабить значение уязвимого географического положения страны.

Улан-Батор развивает отношения и с США на основе доктрины «третьего соседа» [Wagner 2012]. В апреле 2014 г. между Монголией и Соединенными Штатами было подписано совместное заявление о взаимоотношениях двух стран в сфере безопасности. В данном документе признавалась стабилизирующая роль Монголии в Азии и подчеркивалось, что тесные американо-монгольские связи важны для обеспечения баланса в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹. Роль США в обеспечении безопасности Монголии несопоставима со значением России и Китая, но все же такого рода заявления важны для Улан-Батора. Понятно, что в случае открытого силового давления на Монголию соседей, симпатии США и их союзников будут на ее стороне, особенно учитывая соперничество между США и Китаем, США и Россией.

Этнополитическая специфика. Монголов можно отнести к разделенным народам. В мире проживает более 10 млн монголоязычных народов, которые некогда были частью единого этноса, из которых в самой Республике Монголия, как уже отмечалось выше, проживает лишь 3 млн человек. Остальные монголоязычные народы живут за пределами независимого государства, большинство — в Китайской Народной Республике.

С одной стороны, разделенность народа, нахождение его частей в пределах других государств, связанные с этим процессы ассимиляции или эволюционирования в новые, пусть даже близкие, этносы ослабляют материнское государство (особенно окруженное многонаселенными страна-

¹ U.S. and Mongolia Sign Joint Vision Statement, Embassy of the USA to Mongolia, April 10, 2014, [Электронный ресурс]. URL: http://mongolia.usembassy.gov/pr_Q41014.html

ми). С другой — данная специфика в случае Монголии становится действенным механизмом профилактики возможных силовых действий со стороны КНР.

Силовое давление на Улан-Батор чревато рядом внутри- и внешнеполитических осложнений для Пекина. В частности, силовая политика против Монголии не может быть безболезненно воспринята миллионами монголоязычных народов в КНР. В пределах Китая сформирован ряд монгольских административно-территориальных единиц различных уровней, включающих: 56 автономных волостей, 8 автономных уездов, 3 автономных округа. В их число входит Внутренняя Монголия, обладающая самым высоким административно-территориальным статусом в составе КНР. Этот регион первый в Китае получил статус автономного района. По площади (1,181 млн км²) он занимает второе место, уступая лишь Синьцзян-Уйгурскому автономному району (СУАР). Нецелесообразность обострения монголо-китайских межнациональных отношений в пределах Китая приобретает особое значение, учитывая сложную историю взаимоотношений монголов КНР с центральными властями страны.

В первой половине XX столетия формирование монгольского государства создало первый в истории Китая прецедент, когда часть страны отделилась для создания нового независимого образования. Он породил опасения относительно «эффекта домино», представляющим значительную опасность для Китая с учетом того, что этнорелигиозные меньшинства проживали по всему периметру китайских границ на севере, западе и юго-западе. В частности, ряд монголонаселенных районов (прежде всего, Внутренняя Монголия) не вошла в независимую Монголию. Данная опасность была вовсе не гипотетической. В 1913 г. Внешняя Монголия и Тибет, будучи де-факто вне подчинения Китая, но де-юре не признанные таковыми, подписали договор о дружбе и взаимопомощи в качестве самостоятельных субъектов [Кузьмин 2011: 122-128]. Китай не признавал неза-

висимость Улан-Батора в течение долгого времени и всячески препятствовал развитию его отношений с другими государствами. До конца Второй мировой войны кроме СССР Монголия не была признана ни одной страной мира.

Вопрос Внешней Монголии не был окончательно решен и после образования Китайской Народной Республики в 1949 году. Еще до прихода к власти, Мао Цзэдун заявил, что после победы коммунистов в Китае, Монголия (Внешняя) автоматически войдет в состав объединенной страны [Snow 1938: 102]. После образования КНР Мао поставил перед руководством СССР вопрос о присоединении МНР к КНР, но встретил отпор [Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР 1975: 31]. Причем китайский вождь предлагал объединить Внешнюю и Внутреннюю Монголии, которые составили бы единую монгольскую автономию в составе Китая [Atwood 1999: 157]. В конечном счете Пекин признал независимость Монголии, но это было скорее вынужденный шаг, нежели реальное примирение.

В процессе построения многонационального социалистического государства отношения между центром и монголосферой КНР были весьма натянутыми. Одним из проявлений этого стало, например, неоднократное изменение границ Внутренней Монголии. После очередного подобного пересмотра в конце 1960-х годов в пределах Внутренней Монголии этнических монголов осталось менее 20% [Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР 1975: 28]. Seriously пострадала Внутренняя Монголия и во время «культурной революции» [Sneath 1994: 409-430]. Со временем изменился этнический состав ее населения. Если в 1947 г. этнические китайцы составляли 14% населения Внутренней Монголии, то к 1951 г. соотношение ханьцев к монголам составляло уже 2:1 [Minahan 2002: 1782]. По данным переписи за 2010 год, население Внутренней Монголии составило 24,7 млн человек, из которых этнических монголов было немногим более 4,2 млн,

что составило 17,1% населения автономного региона². Остальные монголы проживают за его пределами.

Нельзя не учитывать и то, что недовольство монголов может перекинуться и в другие национальные регионы, в частности сопредельный СУАР, а также в Тибет. Дестабилизация в Синьцзяне негативно отразится на отношениях с мусульманским миром, а обострение ситуации в Тибете повлияет на взаимодействие со странами, где сильны позиции буддизма, а также с Индией (в которой нашел убежище Далай-Лама и где фактически находится правительство Тибета в изгнании) и странами Запада.

Ухудшение китайско-монгольских отношений может оказать нежелательные последствия и на российско-китайское взаимодействие. Отдельные регионы Российской Федерации входят в монголосферу. Она представлена Агинским Бурятским округом в составе Забайкальского края, Усть-Ордынским Бурятским округом в Иркутской области, Республикой Бурятия и Республикой Калмыкия. Тесные связи у монголов имеются и с Тывой, основное население которой – тувинцы, хоть и являются тюрками, но исповедуют буддизм. В случае обострения китайско-монгольских отношений, для Москвы будет сложно игнорировать мнение монголоязычных регионов страны, что, естественно, отразится и на ее сотрудничестве с Пекином.

С другой стороны, тесные, ровные и дружественные отношения между Пекином и Улан-Батором создают хорошую основу как для поддержания межнационального равновесия внутри КНР, так и для развития и углубления связей с монголоязычными субъектами России. Это позитивно сказывается на российско-китайских взаимоотношениях в целом. Связи между КНР и монголоязычными регионами России развиваются достаточно динамично: Поднебесная занимает заметное положение в экономике этих субъектов. Так, Китай яв-

ляется крупнейшим торговым партнером Бурятии. В 2014 г. на долю КНР пришлось 45,2% внешнеторгового оборота Бурятии, что составило 604,1 млн долларов [Статистический ежегодник Бурятия 2014: 497].

Добрососедские отношения с Китаем выгодны и самой Монголии. При помощи соседа она может придать своей экономике импульс развития. Экономическая зависимость от КНР оказывает воздействие на политику страны, подстегивая активизацию сотрудничества Улан-Батора с регионами Китая, в которых проживают монголы или близкие по этническим и конфессиональным признакам народы. К основным целям Улан-Батора относятся помощь в поддержании этнокультурной самобытности этнически и религиозно близких монголам народов, а также укрепление их связей с самой Монголией.

2

Способности Монголии сдерживать более крупного соседа благоприятствует и более широкая международная обстановка, обусловленная взаимодействием великих держав и их интересами в стратегически важных регионах планеты.

В данном контексте политика, проводимая Пекином по отношению к Улан-Батору, предстает своего рода лакмусовой бумагой, способной вскрыть стержневые намерения Китая в отношении других государств и регионов, прежде всего соседних с КНР. На примере отношения к Монголии другие игроки могут судить о степени ревизионизма во внешней политике Китая. Ряд исторических, политических, экономических и психологических причин подталкивают КНР к проведению по отношению к Монголии жесткой линии.

В этой связи Китай на данном этапе осознанно отказался от политики давления на Республику Монголия, применяя стратегию «мягкой силы». В Пекине понимают, что, если по отношению к Улан-Батору будет применяться жесткое принуждение,

² Inner Mongolia Autonomous Region Bureau of Statistics, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nmgjt.gov.cn/html/gzdt/2011-5/23/1152309433324071.shtml>, May 17, 2011.

это сразу переориентирует сбалансированный ныне внешнеполитический курс данной страны, приведет к ее сближению с Россией или иными крупными державами, сформировав неблагоприятный образ КНР на международной арене.

Силовая политика Пекина по отношению к Улан-Батору окажет сильнейшее воздействие и на страны Центральной Азии – регион, представляющий для Китая важнейшее значение [Бабаян 2013: 33-135]. Центральноазиатские государства, увидев в таком подходе угрозу собственной безопасности, поменяют свой внешнеполитический вектор, и, как защитная реакция, создадут альянсы с соперниками КНР. Такое развитие событий станет серьезнейшим вызовом национальной безопасности Китая.

* * *

Китайско-монгольские отношения представляют собой интересное сочетание стратегии «мягкой силы» со стороны сильного и жесткой позиции со стороны слабого.

Выбор подходов обоих государств к двусторонним отношениям становится следствием внешне- и внутриполитических ограничений, с которыми сталкивается КНР. Они демонстрируют на практике, что слабая страна может поддерживать действенный баланс с более сильным соседом, умело используя его репутационные опасения. Между тем сильный не всегда может использовать этно-религиозные связи и географическую близость в своих интересах.

Для Монголии главными внешнеполитическими императивами выступают сохранение независимой государственности

при развитии добрососедских отношений с Китаем, Россией и другими странами; поддержание монгольской национальной идентичности среди представителей близких этносов, проживающих за границей. Улан-Батору до сих пор удается достигать обеих целей при отсутствии серьезного экономического или силового ресурса. Подобный результат сам по себе представляется важным достижением, особенно если учитывать, что независимая Монголия лишь после распада СССР стала самостоятельно решать вопросы своей безопасности.

Монгольское направление остается одним из важных направлений китайской внешней политики. Главным императивом китайской стратегии оказывается развитие взаимовыгодных отношений с Улан-Батором с целью профилактики дестабилизации Внутренней Монголии, что чревато созданием пояса нестабильности по периметру границ КНР от Монголии до Тибета.

Развивая отношения с Монголией, Пекин воздерживается от соблазна проведения более напористой политики. Эффективность стратегии Китая в плане развития сотрудничества в ряде регионов и стран, особенно государств Центральной Азии, в некоторой степени зависит и от того, какую политику, проводит Пекин по отношению к Монголии.

Китайско-монгольские отношения оказывают воздействие и на китайско-российское взаимодействие, что обусловлено географическим положением Монголии и проживанием на территории России народов, родственных монголам этнически и близких им религиозно.

Список литературы

- Бабаян Д.К. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и в Северном Прикаспии в конце XX – начале XXI вв. М.: Институт востоковедения Российской академии наук, 2013. 328 с.
- Бурятия в цифрах – 2015. Статистический сборник, Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия, Улан-Уде, 2015. 205 с.
- Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР, Институт Дальнего Востока Академии наук СССР, 1975. 126 с.
- Кузьмин С. Договор 1913 г. между Монголией и Тибетом: новые данные» // Восток. – 2011. – №4. С. 122–128.

- Atwood Chr.* Sino-Soviet Diplomacy and the Second Partition of Mongolia, 1945–1946 // *Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolitan* / ed. by Kotkin Stephen and Bruce A. Elleman, N.Y., 1999. P.137–161.
- Collins G.* Over a barrel: China's foreign policy and energy security // *Geopolitics of Energy*. 2005. 27(7), pp. 12–18
- Minahan J.* Encyclopedia of the Stateless Nations. Ethnic and National Groups Around the World, Vol. IV, Greenwood Press, Westport, Connecticut, London, 2002. 2241 p.
- Sneath D.* The Impact of the Cultural Revolution in China on the Mongolians of Inner Mongolia // *Modern Asian Studies*. – 1994. – Vol. 28, No. 2. P. 409–430.
- Snow E.* Red Star over China. N.Y.: Random House, 1938, 474 p.
- Stapran N.V.* Russia-India-China: Acting in concert in Southeast Asia? // *ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects*. 2012. pp. 90–96
- Wagner A.* Mongolia: Growth, Democracy, and Two Wary Neighbors. An Interview with Alan Wachman. The National Bureau of Asian Research, May 3, 2012. URL: <http://www.nbr.org/research/activity.aspx?id=245>.

‘SOFT POWER’ AND ‘HARD WEAKNESS’ IN CHINESE-MONGOLIAN RELATIONS

DAVID BABAYAN

Artsakh State University, 375000, Stepanakert

Abstract

Chinese-Mongolian relations reflect controversial nature of interaction between a strong power and its weaker neighbor. Strategies employed by each of the players in these relations, which possess dramatically different amount of military, political, economic and demographic capabilities, are illustrative as they enable maintaining balanced and neighborly relations in the context of unpredictability of mutual intentions. Despite the temptation towards greater assertiveness, China pursues a policy of engagement, based on its soft power rather than coercion. Meanwhile, Ulaanbaatar, despite its weakness on most measures, follows the path of tough defending of its independence. Its strategy is built upon using Chinese vulnerabilities in order to increase the costs of any hardline policy for its much stronger neighbor. The geography of Mongolia, which put it between two great powers (China and Russia) provides it with opportunities to maneuver between them and play them against each other. Moreover, Ulaanbaatar fosters dialogue with ethnical Mongols and other similar nationalities within PRC. It uses this leverage to increase domestic costs of potential pressure on Mongolia by Chinese authorities. They could also be multiplied due to the existing risks of separatist movements in several ethnically or religiously diverse regions of China. Finally, Beijing's policy towards Mongolia is closely monitored by other Chinese neighbors and partners as a potential reflection of its revisionist tendencies. Therefore, in the case of China and Mongolia a combination of these two strategies enables maintenance of sustainable equilibrium between clearly unequal partners.

Keywords:

China; Mongolia; soft power; rough weakness; geography; ethno-political specifics; global geopolitical trends.

References

- (1975). *Velikoderzhavnaya politika maoistov v natsional'nykh rajonakh KNR* [Great Power Policies of Maoists in the National Areas of the People's Republic of China]. Institute of Far East, USSR Academy of Sciences. 126 p.
- (2015). *Buryatiya v tsifrakh – 2015. Statisticheskij sbornik* [Buryatia in numbers – 2015. Statistical volume]. Federal Service of State Statistics. Territorial body of the Federal Service of State Statistics for the Republic of Buryatia. Ulan-Ude. 205 p.
- Atwood Chr. (1999). Sino-Soviet Diplomacy and the Second Partition of Mongolia, 1945–1946. In *Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolitan*, ed. by Kotkin Stephen and Bruce A. Elleman, New York. P.137–161.
- Babayan D.K. (2013). Politika Kitaya v Tsentral'noj Azii, na Kavkaze i v Severnom Prikasp'ii v kontse 20 – nachale 21 vv. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 328 p.
- Collins, G. (2005) Over a barrel: China's foreign policy and energy security *Geopolitics of Energy*. 27(7), pp. 12–18
- Kuz'min S. (2011). Dogovor 1913 g. Mezhd u Mongoliej i Tibetom: novye dannye [Treaty of 1913 between Mongolia and Tibet: New Data]. *Vostok*. No. 4 Pp. 122–128.
- Minahan J. (2002). *Encyclopedia of the Stateless Nations. Ethnic and National Groups Around the World*, Vol. IV, Greenwood Press, Westport, Connecticut, London. 2241 p.
- Sneath D. (1994). The Impact of the Cultural Revolution in China on the Mongolians of Inner Mongolia. *Modern Asian Studies*, Vol. 28, No.2. Pp. 409–430.
- Snow Ed. (1938). *Red Star over China*. New York: Random House. 474 p.
- Stapran, N.V. (2012) Russia-India-China: Acting in concert in Southeast Asia? *ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects*, pp. 90–96
- Wagner A. (2012). *Mongolia: Growth, Democracy, and Two Wary Neighbors. An Interview with Alan Wachman*. The National Bureau of Asian Research. May 3. URL: <http://www.nbr.org/research/activity.aspx?id=245>.